

В музыку вложив всю душу...

Сегодня исполняется 150 лет со дня рождения Петра Ильича Чайковского

«Энциклопедия русской жизни» — слова эти, сказанные когда-то о Пушкине, в точности можно было бы отнести и к Чайковскому. Не только потому, что музыка его (хотим мы того или нет) сопровождает нас от рождения и до смерти. Но, главное, потому, что она, эта музыка, удивительно многогранна, в ней схвачен центральный конфликт бытия — между человеческой волей и холодной безжалостностью судьбы, между любовью и ненавистью, между жизнью и смертью...

«...Я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях...» Чайковскому и в самом деле было суждено запечатлеть для нас целостный портрет русской жизни. Жизнь, колорит которой еще можно ощутить, проходя по старым московским и петербургским улицам, заглядывая в дома, чьи стены хранят память об ушедших поколениях людей. В той жизни — иногда благополучной, чаще же неустроенной — кажется, больше было места для сокровенных мечтаний, надежд, для душевных терзаний, но и для радостей тоже — для всего того, что мы зовем внутренним миром человека. С каким сочувствием, достоверностью — и вместе с тем поэзией, неизменной поэзией — отражен этот мир в симфониях Чайковского, в его романах, сюитах...

Главной целью композитора было сказать правду о человеке. Сказать так, чтобы не нашлось ни одного слушателя, которого бы музыка оставила равнодушным. Если это образ любви — так уж чтобы дух захватило от красоты и вдохновенного полета мелодии; если образ вражды — помните, в увертюре-фантазии «Ромео и Джульетта», — так чтобы ты будто воочию увидел картину схватки, сведенные судорогой ожесточения лица. А если это образ смерти...

Чайковский не верил в отличие от большинства своих современников в вечное существование души. Как зачарованный, на протяжении всей жизни всматривался композитор

в загадочный лик смерти — и находил его все более страшным, по мере того как слетали с него мишурные покровы романтической мистики. Смерть Графини в «Пиковой даме» описана Чайковским так, словно в руках у композитора в этот момент находился точнейший медицинский прибор — кардиограф. Какого мужества требовала эта адова работа, но какой силы образ в результате создан!

Полноте, да такой ли он всегда хрестоматийно ясный, наш Петр Ильич? Вспомним хотя бы его фантастику, очевидно перекликающуюся с гофмановской чертовщиной, — достаточно назвать балет «Щелкунчик»! Это тот мир грез и пугающих тайн, который всем нам знаком с первых лет жизни, когда мы с трепетом заглядывали по ночам в темный угол комнаты... Из него, из этого мира, может родиться прекрасная волшебная сказка: Петр Ильич (кстати, нежно любивший и удивительно понимавший детей) создал такие сказки-балеты. Но из него же, из этого мира видений, могут с годами возникнуть страшные монстры, чудовища, которых (помните Гойю?) рождает сон разума.

Вот звучит «Марш оловянных солдатиков». С детства знакомая, бесхитростная и веселая игрушечная музыка. Но теперь представим ее перенесенной в иной контекст, слегка измененной, заволоченной призрачным кружением смычко-

вых... И вот уже странные, механические скачки мелодии воспринимаются по-другому, в них слышится что-то холодное, неживое. Растет напор, возникает торжествующий мажорный марш — но отчего мороз по коже? Слово шагает могучая, несокрушимая сила, и шагает она по телам людей... Так во всем пышнозвучии разворачивается перед нами третья часть Шестой симфонии — великая загадка, сфинкс, символ торжества и разрушения одновременно. Ничего подобного не знала вся музыка XIX века. И только в следующем столетии, у Шостаковича, в эпизоде нашествия из знаменитой Седьмой («Ленинградской») симфонии мы поймем, что провидел Чайковский в своей гениальной партитуре, какую дьявольскую силу угледел он в тех самых «темных углах» человеческой души. Невольно на память приходит Достоевский — ведь он тоже провидел в своих романах бесовство XX века...

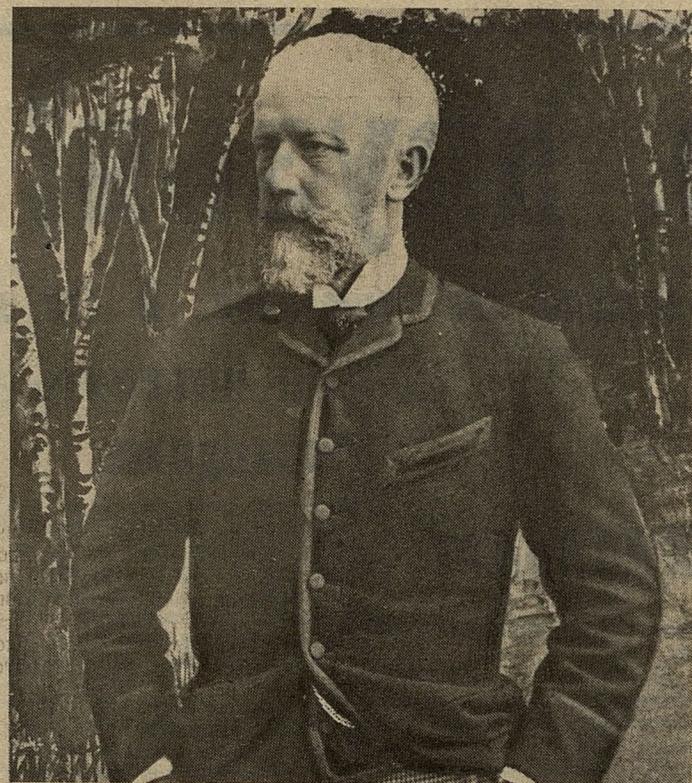
«В симфонию эту я вложил без преувеличения всю мою душу». Да, с удивительной целеустремленностью шел Чайковский к своему последнему произведению. Он словно бы целую жизнь носил его в себе — тут русского мастера можно сравнить разве что с Бетховеном, на протяжении 30 лет искавшим идею своей Девятой симфонии. Хотя сам процесс сочинения, как это нередко бывало у Чайковского, походил скорее на шквал, заняв всего несколько недель. И словно тот же шквал унес композито-

ра через девять дней после того, как он осенью 1893 года впервые продирижировал в Петербурге своей Шестой...

Жизнь Чайковского и его музыки вообще полна многозначительных обстоятельств, символический смысл которых далеко выходит за рамки биографии композитора. Был, например, соратником-соперником «кучкистов», вместе с ними боролся за становление русского искусства — и ими же частенько бывал критикуем за... запятанность. Это Чайковский-то! (Не напоминает ли это вам споры наших сегодняшних писателей о том, кто из них «более русский?»). Пережил провал первой постановки любимейшего детища — «Евгения Онегина»: дескать, посмел исказить Пушкина. Да, посмел — только не исказить, просто создать своего «Онегина», свою «Пиковую», как за сто лет до того своего «Дон Жуана» создал Моцарт, кумир Петра Ильича. Как через сорок лет после Чайковского свое слышание его музыки предложил в балете «Поцелуй феи» другой великий русский художник — Стравинский...

В памяти встает многоголось хор посмертных оценок композитора: среди них и «безнадежно устаревшая музыка», и «дворянский интеллигент, рыдающий над собственной развращенной могилой», и последующая канонизация, и обязательный «Первый концерт во время массовых официальных шествий... Все это вынес Петр Ильич благодаря живой силе своего искусства.

Последние годы обогатили наш круг представлений, связанных с фигурой Чайковского. Например, публика смогла открыть для себя мастерские духовные сочинения композитора. Произошел в наши дни и ряд других отрядных событий,

перемен. Так, стали открытыми прежде запретные для мирового сообщества стратегические точки на карте — родина композитора Воткинск, городок Лебедина на Сумщине (здесь родился у Петра Ильича замысел «Лебединого озера», и говорят даже, что созвучие этих названий не случайно). Средства на установку памятника композитору в Ленинграде решили собрать лауреаты конкурсов имени Чайковского. В крупнейших музыкальных театрах мира, от нашего Большого до итальянского «Ла Скала», проходят премьеры опер и балетов Чайковского... Одним словом, юбилей.

Что-то, правда, мешает во всей полноте почувствовать радость торжества. Что именно? Неотступно преследует вопрос: как совместить раздающиеся тут и там слова восхищения в адрес Чайковского — и повседневное небрежение к той самой музыкальной культуре, в которой, как это считается, живет ныне его, Чайковского, традиции? Как нам быть с разрушающимися зданиями музыкальных школ, многие из которых носят имя Петра Ильича? С пустующими

концертными залами и филармониями, теряющими традицию просветительской деятельности? С музыкальными магазинами, в которых трудно купить запись даже самых популярных произведений мастера... Наконец, с людьми, очень многие из которых о классическом искусстве знают лишь понаслышке, а если и потребляют его, то именно «против воли» — скажем, в виде веселенькой аранжировки-заставки коммерческого телеканала...

Горькой иронией после всего этого воспринимаются дежурно цитируемые, без меры затасканные знаменитые слова композитора: «Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличилось число людей, любящих ее, находящихся в ней утешение и подпору».

Впрочем, не станем в светлый день юбилея нагнетать отрицательные эмоции. Давайте лучше еще раз вспомним, каким истинно великим культурным наследием наделила нас история. С таким-то наследием — и неужто не справимся с самыми суровыми испытаниями?

Сергей БИРЮКОВ.